

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

РАЗВИТИЕ
ФОНЕТИКИ
СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО
ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1966

Л
И
Я
3

II

А. А. Реформатский

НЕКАНОНИЧНАЯ ФОНЕТИКА¹

I

Человек — это самый богатый инструмент для звукообразования. Свидетельством этому служит многообразие звукотипов в языках мира, а также безграничная способность людей к звукоподражаниям.

Источником звукообразования у человека является не только каноничный «речевой аппарат» в своих продуктивных разделах (ларинкс, фаринкс, полость носа и рта с языком и губами), но и многие органы, как правило не включаемые в «речевой аппарат» или, по крайней мере, в его продуктивные разделы (нос как источник свиста при храпе, аэрофагия и образование «пищеводного голоса» при рыгании, напряжение мышц дна нижней челюсти при хрюканье, сокращение дна диафрагмы при иканье, участие мышц живота и сокращение сфинктора при некоторых других звуковых операциях и т. п.²

Можно ли считать подобные явления фонетикой? И нет (что естественно, сразу приходит в голову), и да (о чем надо сперва подумать).

Нет, потому что как естественное явление все эти храпы и икания не обладают качеством выражения и не служат знаками.

Да, потому что они могут использоваться как знаки, например:

¹ Данная работа была начата еще в 1943—1944 гг., но осталась незавершенной. В 50-е годы я ознакомился с неопубликованной и также незавершенной рукописью Н. В. Юшманова «Экстранормальная фонетика», которая и по охвату явлений и по перечню примеров во многом совпадает с моими набросками, что меня очень порадовало. Мне представляется, что у Н. В. Юшманова этот сюжет разработан более логично. Работу Н. В. Юшманова предложено опубликовать, но для этого надо проделать очень большую текстологическую и редакционную работу ввиду чернового характера рукописи. Где надо, я ссылаюсь на эту рукопись; если же нет ссылок, это означает совпадение моих материалов с материалами Н. В. Юшманова или же отсутствие подобных материалов у него.

² За разъяснение этих и других аналогичных случаев приношу благодарность доктору медицинских наук Вс. И. Медведеву.

«Но вы спрашиваете, как узнать ушрей? Заметьте только, как они, встречаясь друг с другом, щёлкают языком. Это по-настоящему не щёлканье, а звук, похожий на тот, который производят губами, когда сосут апельсин. Это их условный знак, и как они друг друга узнают и приветствуют» (А. К. Толстой, Ушрей).

Или:

«Я приложил руку к козырьку и отдал честь казакам. Молодой парень с льяным всячим волосом и прекрасным рязанским лицом подошел к моему сундучку и выбросил его за ворота. Потом повернулся ко мне задом и с особенной скороговоркой стал издавать постыдные звуки.

— Орудия номер два нуля, — крикнул ему казак постарше и смеялся, — крой беглым...» (И. Бабель, «Избранное», 1957, стр. 42).

Не говоря уже о «беседах» с животными и птицами: чужканье — средство позвать поближе тетерева на току, билабиальный писк высокого тембра «под мышку» при подзывании мыпкуюющей утки, цокающий шнальц при погонянии лошади, губной глухой шбрант при остановке лошади и звонкий — при допущении браж и гончих к корыту с едой, — всякие такие «звуковые жесты» возможны как условные знаки или звуковые сигналы и в человеческом общении: подражание крику совы или торлоканью фазана как знак предупреждения об опасности, кашель как знак, рекомендуемый замолчать, иканье, чмоканье или хрюканье как знак, что «спора начинать», наконец тот звуковой жест, который на письме изображается как *тьфу* или *пфуй* и обозначает пренебрежение или презрение.³

II

Название «неканоничная фонетика» — условное. Н. В. Юшманов эту лингвистическую область именовал «экстранормальная фонетика»⁴, что значит то же самое и охватывает те же явления, что и «неканоничная фонетика». Эти явления не укладываются в канон, т. е. в обычные фонетические нормы данного языка либо потому, что среди них встречаются такие «звуки», которые нельзя соотносить с нормальными фонетическими реализациями «законных фонем» языка, либо такие, которые встречаются в необычных сочетаниях или в необычных позиционных условиях.

Хотя явления, относящиеся к неканоничной фонетике, весьма разнообразны и разнородны и логически не соподчинены, но их фонетическая и функциональная необычность и исключительность позволяют очертить этот круг.

³ См.: Л. В. Щербак. О диффузных звуках. «Академику Н. Я. Марру», М.-Л., 1935, стр. 452.

⁴ Н. В. Юшманов. Экстранормальная фонетика, 1946. Рукопись. Архив АН СССР, ф. 77, оп. 5, № 251.

повторно, такие факты, как постукивание пальцами по столу, вряд ли туда попадут; но их речевая имитация войдет в этот круг, например, объяснение в любви Вершинина и Маши:

М а ш а — Грам-там-там. . .

В е р ш и н и н — Там-там. . .

М а ш а — Тра-ра-ра?

В е р ш и н и н — Тра-та-та. (*Смеется*). (А. П. Чехов, Три сестры).

На первый взгляд в этом диалоге нет ничего неканонического: нормальные реализации каноничных фонем в обычных позициях. Однако: 1) отсутствие реальных слов и 2) явная звукоподражательная тенденция с обилием аллитераций и ассонансов, несвойственных нормальной практической речи, дают право данному диалогу быть включенным в круг неканоничной фонетики.

Возможность вовлекать в круг неканоничной фонетики те или иные факты контролируется следующими признаками: 1) имеет ли данный факт знаковое качество, 2) выступает ли он в коммуникативной, номинативной, семасиологической, апеллятивной или экспрессивной функции и 3) обладает ли он фонетическими свойствами, т. е. производится ли он звукообразующими органами человека и доступен ли он слуховому восприятию.

По совокупности этих критериев многое из этой широкой области отпадает (любые знаки не акустического порядка, будь то зрительно воспринимаемые мимемы или не поддающиеся произношению графемы (например, ~-образные трубки или]-видные крючки), или же воспринимаемые слухом, но не выступающие в знаковой функции естественные звуки человека (сопение, икота и т. п.).

Трудным случаем являются «allegro-вые остатки речи», так как они не входят в систему языка, а окказионально фигурируют в качестве заместителей фактов языка в известных речевых ситуациях. Однако пусть они и факты только речи, но тем не менее в их лингвистической принадлежности сомневаться не приходится. Кроме того они могут канонизоваться и перейти из окказиональных в узуальные (например: *мол, де, вишь (ишь), спасибо* и т. п.).

Не следует думать, что факты неканоничной фонетики — ничейные, общечеловеческие. Если они лингвистически фонетичны, то они всегда соотносительны с каноничными фактами того или иного языкового идиома (языка, диалекта, даже жаргона, несмотря на явно выраженные криптологические тенденции многих жаргонов, проявляющихся и в лексике, и в фонетике).

Важным соображением, которое не может упускать ни один фонолог, является то, что К. Бюлер назвал фонетической «задвигкой» (Riegel)⁶, а Н. С. Трубецкой (а также и С. И. Бернштейн, Е. Д. Поливанов и др.) «фонологическим ситом», которое идиома-

⁶ К. B ü h l e r. Sprachtheorie. Iena, 1934.

точно каждому языку и накладывается на любые звуковые впечатления, будь то иноязычная речь или звуки природы и техники.

В самом деле, как может говорящий на последовательно сингармонистичном (и по нёбному, и по лабиальному сингармонизму) языке произнести *дзиньбом*, когда ему «надо» (по языковому «ситу» сказать либо *сингпинг*, либо *сонгпонг*? Или: как арабу, не «отрекаясь» от привычной апофонии своего языка, сказать *ps!*, когда он «должен» (по языковому «ситу») дать между тремя согласными какую-нибудь вокальную прослойку, чтобы получилось «слово» типа *ipsut, pisat, pasit*. . . ?

Интересное соображение приводит Н. В. Юшманов: «Русский и француз п р и в ы к л и с л ы ш а т ь [ku'ku] — *ку-ку, соусоц*; немец и англичанин привыкли к ['kuku] — *kuckuck, cuckoo*, а кукушка кукует одинаково во всех странах и для всех народов, но не ['kuku] и не [ku'ku]»⁶.

Один и тот же звуковой жест для немца будет *benz!*, для англичанина *banks!*, а для русского *бац!*

При общем сходстве в различных работает то же «сито». В дальнейшем изложении я постараюсь привести еще более интересные примеры.

III

По первоначальному замыслу факты неканоничной фонетики мне представляется возможным распределить в следующие рубрики.

1. Звуковые жесты; это неканоничные междометия, порою экспрессивные (*тьфу!* или *пфуй!*; губной шналец в значении 'пальчики оближешь!' и т. д.), порою и нейтрально-коммуникативные (*гм-гм!* или *угу!*, латеральный кликс у Качалова в «Ужаси в лапах» и т. п.)

2. Междометия, в которых есть связь со звуковыми жестами, со звукоподражаниями или с остатками *allegro*-вой речи: [ðʏó], [ðʏó] — с необычной редукцией и наличием неканоничного [ʏ]; *ха-ха-ха!*, *ёнть* в речи пастуха из рассказа В. А. Слепцова «Свиньи», *ps!* *шш!* и т. п.

3. Звукоподражания разного типа (звукам животных и птиц, звукам неживой природы, техническим звукам).

4. Звуки привлечения животных («манень», *кыс-кыс!* *тпрусь!* *Tierrufen*).

5. Звуки отвлечения животных (*брысь!* *кыш!*).

6. Команды животным (*тпру!* *но!*, губной шналец при погонянии лошади; *Tierkomanden*).

7. Сигналы, обращенные к людям (изолированные и не морфологизованные: *цыц!* *ps!* *chut!* или деформированные: *пшёл!*).

⁶ Н. В. Юшманов. Указ. соч., л. 63.

сочетаниями (по преимуществу уменьшительно-ласкательные: *Кэт, Кьююша, Лёля* [Ср. каноничное: *Лель*] и др.).

9. «Детские слова» в языке взрослых в обращении к детям (нянечное: *тпруа* 'гулять', неморфологизуемые редупликации типа: *а-а, пис-пис* и т. п.).

10. Элементы чужезычной фонетики (*Гётэ, мбелль, Хйтте, Ристэр, романс; Бартоло, Туло* и т. п.).

11. Аллегро-вые остатки или минимумы разговорной речи (*щас < сейчас, здрасте < здравствуйте, шшисят < шестьдесят, Сан Саныч < Александр Александрович; g'moin < guten Morgen, [msjæ] < monsieur (< teim seniorem)* и т. п.

12. Заумь (игровая у детей и культовая, например в заговорах, у хлыстов)⁷.

13. «Фонация», т. е. сознательное и конструктивное использование звуковой материи языка в литературе, начиная от аллитерации, рифмы, звукового повтора⁸ и «поэтической этимологии», т. е. сталкивания созвучных, но этимологически не связанных слов в тексте⁹, и всякое «поэтическое словотворчество»¹⁰.

14. И вообще любая звукопись (Lautmalerei), где бы и для чего бы она ни применялась¹¹.

Элементами неканонической фонетики следует признать:

1. Звуки, не соответствующие нормальным реализациям фонем или совсем необычные для данного слова и его канона, например [γ] в междометиях русского литературного языка [δγó], [э́γé], да еще с нарушением нормальной редукции безударных гласных, или аффриката [pf] в *пфуй!*, или губной шналец в [ц инспирато] 'пальчики оближешь', или губной вибрант в *тпру!* (сигнал остановки лошадей) и в *дбруц!* (сигнал разрешения гончим или борзым подойти к корыту с пицей). . . Конечно, это неканонично только для тех языков, где таких звуков нет в каноне. Например, аффриката [pf] в немецком — канонична, губной шналец каноничен для некоторых африканских языков, губной вибрант — в глухой и звонкой разновидности — для абхазского языка. Там подобные случаи не относились бы к неканонической фонетике.

2. Особые сочетания, или комбинации, фонем и реализующих их звуков, необычные для линейных закономерностей данного

⁷ См.: В. Шкловский. О поэзии и заумном языке. — Сб. «Поэтика», 1919, стр. 20—24.

⁸ См.: О. Брик. Звуковые повторы. — Там же.

⁹ См.: Р. Якобсон. Новейшая русская поэзия. Прага, 1921, стр. 45.

¹⁰ Будь то опыты А. Крученых *еум* 'лилия' или невинные *Niff-Niff, Naff-Naff, Nuff-Nuff* в кличках трех поросят Диснея, где звукоподражание неумелому хрюканью трех молодых поросят *nff* тембрируется тремя нисходящими гласными: [i-æ-^] или по-русски: *и-а-у*, что «изображает» последовательный возраст этих братцев не из одного помета!

¹¹ См.: В. Шкловский. Указ. соч.

зыка (например, для русского: *кыс-кыс, пжалста, кичцера* «транскрипция» точенья глухаря). Или необычные результаты дукционнo-каноничных позиций [dʲo], [pʲoet], [ʂstokádʲa].¹² и даже «самых обыкновенных словах»: союзы [нѵ], [дѵ], предлог [зѵзъ], в отдельном все же (хотя и вставочном из обращения) [рѵэт'эц] и т. п.

Факты неканоничной фонетики не существуют раз и навсегда в таком качестве. Здесь действуют две тенденции: одна тянет факты неканоничной фонетики в канон, канонизирует их, подчиняя «фонологическому сити» (чему очень способствует их письменная фиксация); другая же (что редко), наоборот, каноничные факты фонетики «якобы тянет вон из канона», делает их онома-топейными, звукоподражаниями, звуковыми жестами и т. п.

Для первой тенденции пример *люлька* от глагола *люлюкать* из Lall-Wort *лю-лю*. Для второй: а. н. д. *piran* через 2-ю Lautverschiebung получает качество звукоподражания в н. н. д. *pfeifen* (но так как аффриката [pf] есть в н. н. д., то это, пожалуй, лучшее звукоподражание, хотя и удачное!).

Тем самым при изучении фактов неканоничной фонетики их надо ограничить не только определенным языком, но соотнести с определенной эпохой его существования. Иными словами — факты неканоничной фонетики требуют прежде всего введения в определенную синхронию, без чего невозможно и их историческое изучение.

Так как в неопубликованной и незавершенной работе Н. В. Юшманова «Экстранормальная фонетика» систематика этой области изложена логичнее и упорядоченнее и так как эта работа Николая Владимировича требует для своей публикации еще много труда и времени, — я хочу здесь показать его классификацию, хотя она и не сведена к единству и разбросана на различных листах этой интереснейшей, но, увы, не завершенной автором работы.

Вот некоторые эксперпты из этой работы по поводу систематики и классификации фактов неканоничной, или, по Юшманову, экстранормальной фонетики.

«П. Е. Стоян в своем малом толковом словаре русского языка приводит под рубрикой „Введение“ обычные классификации гласных и согласных современного русского литературного языка, заключая объяснение таковых следующими словами:

„Число звуков сильно увеличится, если более тонко наблюдать речь, если принять во внимание шопот, крик, тон и если принять в расчет более 40 междометий и органических звуков вроде *тпру, брр, тс, пс, кс, шш*, а также звуки смеха, кашля, чихания и т. п.“

Эта добавка к нормативной фонетике включает в себя средства экстранормальной фонетики. . . Под междометиями и органическими звуками здесь имеются в виду те, которые по особенностям своего звучания и применения не входят в норму данного языка: как показывает пример *шш*, кроме качества звуков учитывается и количество и сло-

¹² Кстати, с заударными гласными русский язык расправляется резко, чем с преударными. Но: [к'кáb], [м'икáдѵ] и даже: [и'нѵргѵ] *ресурсы* и под.

образование (§ — сверхдолгота и слогаобразуемость, чуждые русской нормальной фонетике). Приводимые Стояном «звуки смеха, кашля, чихания» являются внеречевыми звуками, а поэтому вообще не входят в фонетику, пока не переключатся на звукоподражательные междометия вроде *ха-ха-ха, кха-кха! аххх!* Такое переключение делается обычно ради письменности и держится нормального звукового состава, т. е. тех звуков, которые мы произносим, читая письменный текст, хотя искусные имитаторы умеют приблизиться к подлинным внеречевым звукам» (л. 17 и 17а).

Охват и состав фактов экстранормальной фонетики Н. В. Юшманов представляет следующей «программой»:

«А. Видоизменения речи. Нарождение новых слогов. Умирание старых слогов и силлабизация согласных.

Как Что	Максимализация	Минимализация
Сила	крик, «повышение голоса»	шопот, «вкрадчивая речь»
Тон	богато дифференциров.	монотонное чтение
Темп	длительно (барственно), drawling	бегло

Б. Отдельные звуки и их сочетания.

I. Звуки, входящие в междометия, но не входящие в другие части речи.

II. Звуки, встречающиеся только в одном слове данного языка (рус. [ʔ] в *боге*).

III. Звукосочетания, не встречающиеся в основной части словаря данного языка.

IV. Звуки и сочетания, встречающиеся только в чужезычном фонде данного языка и компенсируемые массой говорящих посредством приблизительно подходящего материала из нормальной фонетики родного языка.

V. Особенности произношения данного языка в устах разных групп общества; *иностранцы, собственные диалекты* (провинциалы), *манерники, логопаты, ттецы-имитаторы...*» (л. 18 и 18а).

«При дальнейшем изучении аффективных слов мы устанавливаем следующие их разряды:

1. Вокативы	} количественные изменения в слове	} возможны усечения и синкопы	
2. Императивы			
3. Экспрессивы			(—, ∪); мена ударения (/) нет усечений
4. Фономимемы			качественные изменения в слове...» (л. 47)

«При дальнейшем изучении заместителей (вариантов), мы приходим к следующим их разрядам:

1. «Акцент»	4. Заимствования (орфоэпия)
2. Диафон	5. Манерная речь
3. Патологизмы	6. Подвечивание имитаций...» (л. 47)

«Фонетические средства, выходящие за пределы норм своего языка, используются в трех различных направлениях: 1) междометном, 2) аффективном и 3) заместительном (вариантном)... Таким образом получаем схему:

Неграмматические	I Междометия	} эмоциональные
Грамматические	II Аффективы	
	III Заместители (варианты)	

«При дальнейшем изучении междометий, интересных для экстранормальной фонетики, мы находим такие их разделы:

1. Фонетические заменители речи.
2. Имитации окружающей природы и техники.
3. Возгласы (эмоциональные по преимуществу).
4. Фонетические сигналы.
5. Фразофонемы или звуковые жесты. . .» (л. 46)

«Необычные слогафонемы

- I. Вдыхательные (типа «фф в себя»).
- II. Всасывательные (типа щелкающих *цк-цк-цк!*).
- III. Губно-язычные (типа *тппр, pst!*).
- IV. Горлано-носовые (типа *ам!, мда!*).
- V. Сибиллянтные свистяще-шипящие (типа *тс!, шш!*).
- VI. Серийно-гласные «АЕIOU» (типа *ой! оо!*). . .» (л. 31—32).

«Зоофемизмы

Приказы, отдаваемые животным, можно подразделить на 1) подзывные, коими подзывают к себе животных или группу животных; 2) отзывные, коими животные отгоняются; 3) призывные, коими животное направляется на какой-нибудь объект или наставляется к тому или иному поведению»¹³ (л. 60).

Во всей этой богатой и интересной программе Н. В. Юшманова кое-чего не хватает, но она пленяет своей логичностью.

В данной статье я остановлюсь в дальнейшем лишь на одном вопросе: о звукоподражаниях и их «преме» в язык.

В звукоподражаниях очень важно соответствие «естественного» и «конвенционального»: близкого к подражаемому и возможного в сфере человеческой речи и системы языка.

Здесь возникает коллизия, которую можно сформулировать так: чем ближе данный «звукоподражательный комплекс» к подражаемому, чем лучше как звукоподражание, чем более естествен, тем он более чужд и речи и языку; чем же он более близок к речи и языку, чем более конвенционален, тем он менее естествен и менее похож на подражаемое. . .

Об этом интересно писал А. Мейе: «Même un nom qui, comme «coucou», est étroitement associé au cri de l'oiseau ainsi désigné, n'est pas une simple imitation de ce cri; les phonèmes qui y entrent sont les mêmes avec lesquels sont faits des noms comme «cou, coup», ou le début de verbes tels que «courber, couler, coucher», qui n'ont aucun caractère expressif. A bien entendre, il n'y a dans le cri de l'oiseau ni proprement un *k*, ni proprement un *ou*»¹⁴.

¹³ А. И. Германович в своей работе «Слова клича и отгона животных в русском языке» («Изв. Крымского пед. института», т. XIX, 1953) дает богатейший материал по указанной теме и не только из русского языка, его слова отгона соответствуют отзывным Н. В. Юшманова, а «слова клича» совмещают и «назывные» и «призывные» Юшманова; думаю, что их следует различать.

¹⁴ A. Meillet. Structure générale des faits linguistiques. Aperçu historique. (Chapitre I de l'Encyclopédie Française, tome I, l'Outillage mental. Pensée. Langage. Mathématique). Paris, 1937, I, 32—7.

Расширяя вопрос о звукоподражаниях вообще на ономапейи, М. Граммон в своем «Трактате о фонетике»¹⁵ писал: «L'onomatopée n'est jamais une reproduction exacte, mais une approximation» (378). «Les sons du langage ont certaines qualités, les bruits de la nature en ont d'autres, et les uns ne peuvent recouvrir strictement les autres. Un musicien qui voudrait reproduire le bruit du tambour au moyen d'un piano n'arriverait jamais qu'à l'imiter, qu'à faire quelque chose qui en donnerait l'idée; son œuvre ne serait qu'une adaptation et à proprement parler une traduction. De même, lorsque nous rendons par une onomatopée un son extérieur, nous le traduisons en notre langage. On peut même dire qu'il y a une double traduction; non seulement nos organes émetteurs de sons traduisent à leur manière les données que leur fournit notre oreille, mais déjà l'oreille avait interprété et traduit les impressions qui lui parvenaient» (378). «Enoncer cette comparaison sans dire que l'on fait une comparaison, c'est traduire; nous traduisons une impression intellectuelle en une impression visuelle. . . . On peut de même traduire une impression visuelle en une impression audible» (403).

Итак, — звукоподражание — это перевод и, оказывается, разный на разные языки!

О собачьем лае и его воспроизведении в разных языках много писали: это и *wau-wau*, и *bow-bow* и даже по-русски, то *ау-ау*, *ав-ав*, *гав-гав*, то *тяв-тяв*, *ам-ам*¹⁶.

Приведу некоторые примеры из охотничьих звукообразований в русском и французском. В русском для звуков токующего на тяге вальдшнепа есть два звукоподражания: *цик!* и *хорк!*, откуда следуют глаголы *цикать* и *хоркать*. Это же на французском языке передается как *piitt!* и *croûh!* и охота на тяге носит название: *Chasse à la «croûle»*¹⁷. Так объективно одно и то же по-разному воспроизводится в русских и французских звукоподражаниях.

Л. А. Булаховский приводит еще один интереснейший пример: «Хорошо известен факт, что даже при определенной установке на звукоподражание оно часто не достигнет той степени объективности, которая обеспечивала бы узнавание характерного для птицы крика, напева и под. людьми разных языков и даже диалектов. «Русская» утка произносит, напр.: *кря-кря*, «французская» — *can-can*, *coïn-coïn*, «румынская» — *тас-тас*, а «датская» — *rab-rab. . .*»¹⁸.

¹⁵ M. Grammont. Traité de phonétique. Troisième partie «La phonétiqueressive». Paris, 1950.

¹⁶ Откуда детское название собаки: *ама*; от *гав-гав* происходит вполне канонический глагол *гавкать*, от *тяв-тяв* — *тявкать*.

¹⁷ «La chasse moderne». Librairie Larousse, Paris, стр. 177.

¹⁸ Л. А. Булаховский. Семаскологические этюды. Славянские наименования птиц. «Вопросы славянского языкознания», книга первая. Львов, 1948, стр. 154. — Кстати, «русская» утка породила от своего крика

В известном очерке И. С. Тургенева «О соловьях» — письмо С. Т. Аксакову — говорится:

«Хороший соловей должен петь разборчиво и не мешать колена, — а колена вот какие бывают:

Первое: Пульканье — этак: *пуль, пуль, пуль, пуль* . . .

Второе: Клыкканье — *кль, кль, кль*, как желна.

Третье: Дробь — выходит примерно как по земле разом дробь просыпать.

Четвертое: Раскат — *тррррррр* . . .

Пятое: Пленканье — почти понять можно: *плень, плень, плень*.

Шестое: Лашева дудка — этак протяжно: *го-го-го-го*, а там коротко — *ту!*

Седьмое: Кукушкин перелет. Самое редкое колена; я только два раза в жизни его слышал — и оба раза в Тимском уезде. Кукушка, когда полетит, таким методом кричит. Сильный такой, звонкий свист.

Восьмое: Гусачок. *Га-га-га-га* . . . У малоархангельских соловьев хорошо это колена выходит.

Девятое: Юлиная стукотня. Как юла — есть птица, на жаворонка похожая — или как вот органчики бывают, этаким круглым свист: *фюлюлю-июлю* . . .

Десятое: Почин — этак: *тий-вить*, нежно, малинковой. Это настоящему не колена, а соловьи обыкновенно так начинают. У хорошего нотного соловья оно еще вот как бывает: начнет *тий-вить*, а там: *тук!* Это отбóлчкой называется. Потом опять *тий-вить* . . . *тук! тук!* Два раза отточка и — в пол-удара, этак лучше; в третий раз *тий-вить* — да как рассыплет вдруг, сукин сын, дробью или раскатом — едва на ногах устоишь — обожжет!»¹⁹

Интересно отметить, что *пуль, пуль* . . . первого колена близко к турецкому обозначению «соловья»: *bülbül*, но в русском еще более близкое *буль-буль* — звукоподражание капанья воды, откуда глагол *булькать* и девербатив *бульканье*. Обращает внимание пятое колена: «. . . почти понять можно: *плень, плень, плень*» — вот образец подгонки вневлигвистических звуков под каноничные для данного языка!

Зачастую под пером писателя такая подгонка неканоничной фонетики звукоподражаний идет еще дальше: звукоподражания подгоняются под созвучные с ними слова, откуда возникает нейтрализация фонетически неканоничного звукоподражания в каноничном и нормальном.

Так, крик удода (а само слово *удод* — звукоподражательное)²⁰ интерпретируют как *худо тут*, а в украинском языке, по свидетельству Л. А. Булаховского, *худотут* — одно из наименований удода²¹.

Многие названия птиц звукоподражательны (*вьель, гага, кукушка, кречет, крохаль, кряква* и т. п.). Любопытно одно русское вполне терминовое название орнитологического раздела: *кряква, кряковая утка* и обиходное *крякуша*.

¹⁹ И. С. Тургенев. Собрание сочинений, т. X, 1956, стр. 422.

²⁰ См.: А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. «Труды Ин-та русского языка АН СССР», т. I. М.—Л., 1949, стр. 41.

²¹ Л. А. Булаховский. Указ. соч., стр. 158.

название маленького кулика *фифи*, созвучное как омоним с французским прозвищем *Fifi* (ср. у Мопассана «*Mademoiselle Fifi*»), но идущее от прямого звукоподражания. Образцом подгонки под слова нормального языка того, что может быть звукоподражанием, служит «словесное изображение» боя перепела: *Пить полоть!* Или даже: *Спать пора!*

У Н. С. Лескова в «Соборьях» («Демикотоновое книга» о. С. Туберозова) Николай Афанасьевич говорит: «Слушай, как вон уточки на бережку разговаривают. Уточка-франтиха говорит селезню: Купи коты, купи коты! а селезень отвечает: заказал, заказал!»

Очень много таких случаев у М. М. Пришвина, например: «О чем поют петухи на току? И когда мы по-своему повторяли их бормотанье, то у нас выходило:

Круты перья,
Ур-гур-гу,
Круты перья
Обор-ву, оборву.

Так бормотали дружно тетерева» («Кладовая солнца»):

— Чьи вы? — закричал в это время чибис.

— Жив, жив! — ответил кулик (Там же)²².

Любопытный случай звукоподражания беззвучию у Пришвина в «В краю непуганых птиц»: «И слышу, точится мошник. . . я к нему по сушинкам, да по лежнинкам, да по кокорочкам пя-тю-го-ть²³, пя-тю-го-ть, чтобы сучья не заряцкали».

Очень сложным вопросом является графическая фиксация неканоничных междометий, звуковых жестов, звукоподражаний и т. п.

Так, звуковой жест «поддакивания» в русском языке чаще всего передается как *эм-эм*, где налицо желание показать его назальность и велярный характер, часто и *угу*, где пропадает назальность, но подчеркивается двусложность и велярное образование. По этому поводу хочется привести очень интересные соображения Б. В. Томашевского²⁴.

«Вводя в комедию разговорную речь, Грибоедов учитывает, что богатство языка шире обычного книжного запаса слов, и вводит в систему стиха многочисленные восклицания, междометия и иные «звуковые жесты»:

— Эй, Лиза! — Тс! Ушел. . . Ах! от господ подалей. . . (I, 56).

— Вот он! — Шш! — Шш! Ну, как с безумных глаз (III, 559).

К таким же учитываемым в стихе слоговым образованиям относятся все глухие хмыканья, издаваемые князем Тугоуховским:

²² Во французском переводе первая реплика звучит так: *Tchi-vi! Tchi-vi!*, а вторая *Vif! Vif!* — здесь «зочеловечение» звукоподражания сохранено, тогда как в первой реплике оно пропало (перевод Л. Соболева).

²³ *Пя-тю-го-ть* — значит бесшумно подкрадываться на пятках (замечание автора).

²⁴ Б. В. Томашевский. Стихотворная система «Горя от ума». — Сб. «Грибоедов». Изд. ГЛМ, М., 1946, стр. 81.

О-хм! — К нам на вечер в четверг проси скорее (III, 304).

И-хм! — Вот то-то, детки (II, 306).

Князь, слышали? — А-хм? — Он ничего не слышит (III, 486).

Э-хм? — В тюрьму-та, князь, кто Чацкого схватил (III, 488).

И-хм? — Тесак ему да ранец. . . (III, 489).

У-хм? — Дал. . . в басурманах он! (III, 491).

Все эти междометия двусложны. Очевидно, все они воспроизводят известное междометие, выражаемое не имеющим графического соответствия и обычно изображаемое «зм-зм».

Гм! Гм! Читатель благородный («Е. О.», IV, XX).

Но Грибоедов с его тонким и точным слухом уловил в этом междометии разные оттенки, отметив гласный, которым окрашивается этот двухсложный неопределенный звук.

Этот звук в односложном употреблении может встречаться в речи в качестве «заменителя»; вот как об этом говорит Н. В. Юшманов: «Отдельным индивидам свойственно делать выхлопы небной занавеской перед носовыми полостями, похожие на то, что слышится при выполнении глухого фаукального смычно-взрывного [tn]; . . . из моих наиболее известных знакомых, производивших выхлопы этого типа, могу назвать акад. Н. Я. Марра» (указ. соч., л. 38).

Многие писатели часто не удовлетворяются каноничным графическим воспроизведением неканоничных звуков и дают их «по-своему». Например, вместо обычного воспроизведения песни кукушки «Ку-ку» поэт В. В. Каменский дает:

«Кукушка гадает: „Ку-тку. . . ку-тку. . . ку-тку. . .“ и кончает свое печальное „Ку-тку“ верещащим пиценьем ведьмы.

Он же о вальдшнепах на тяге вместо: *хорк* и *цик*, дает:

— *Хорх-хорх. . . циввь. . . хорх-хорх*²⁵.

На некоторых примерах мне хочется показать, как внеязыковые явления могут появляться в речевом поведении человека как неканоничные звукоподражания, а затем, подвергаясь фонологизации (по причине «сита») и грамматикализации, получают доступ и прием в язык, а потом и полные языковые права, хотя и могут нести на себе печать неканоничности.

Первую ступень такого «приема в язык» составляет фонологизация звукоподражания, т. е. субституция природных или технических звуков через речевую фонетическую имитацию для того, чтобы в конце концов попасть в каноничные реализации фонем в данных позициях в виде каноничных уже вариативов.

Так, диффузный каноничный комплекс, который слышит охотник от вылетающего на току черныша и которым охотники из шалаша с ним «переговариваются», состоит из комбинаций шипящих и губных звуков типа [ч'фш]; его так и стараются воспроизвести для разговора с тетеревом охотники на току. Но в качестве названия этого тетеревиного возгласа — этого мало. Надо его фонологизовать и придать ему видимость слова.

²⁵ В. В. Каменский. Лето на Каменке. Тифлис, 1929, стр. 9.

Он фонологизуется в фонемный комплекс: *чуфыш*, вполне приемлемый с точки зрения русского языка, но невозможный, например, для французского. Этот комплекс фонетически оформлен, «членоразделен»: он распадается линейно на каноничные реализации фонем в соответствующих позициях, но он едва-едва номинативен и еще не грамматикализован.

Второй ступенью служит его первичная грамматикализация. Самый простой путь — это синтаксическая субстантивация. В этом случае никаких «положительных» показателей грамматической формы может и не быть, но, входя в состав предложения, синтагматизируясь, данное «аморфное слово» делается субститутом грамматически значимого знаменательного слова:

«Из кустов послышалось призывное *чуфыш*. . .»

Грамматикализация проявляется здесь в согласовании предиката *послышалось* и атрибута *призывное* со своим *t* (определяемым) — *чуфыш*, которое через это согласование оказывается потенциально в среднем роде, единственном числе и именительном падеже. Грамматически это предложение ничем не отличается от предложений типа *На столе лежало серое паспарту* или *В комнате стояло черное пьянино*.

Здесь грамматическая форма осуществляется пассивно, но отрицать ее наличие нельзя.

Третья ступень «приема в язык» для звукоподражания связывается уже с приобретением данным словом положительных грамматических признаков, например при деривативной вербализации: *чуфыкать* (*Из кустов чуфыкал тетерев. Я чуфыкал изо всех сил, чтобы тетерев подлетел поближе*), а далее, например, deverбалив *чуфыканье* (уже не как «звуковая фотография» возгласа тетерева, а как его наименование). Это уже факты нормальной грамматики и действия ее порождающих алгоритмов.

Думаем, что может быть еще и четвертая ступень этого процесса.

Если еще раз взглянуть в превращения внефонологической трансфонации слышанного звучания до полной лингвистической оформленности получившихся частей речи (глагол с его дериватами, отглагольные существительные и т. д.), то можно определить эти «ступени» следующими характеристиками:

После первичной фонологизации некоего звучания наступает грамматикализация.

1-я ступень: грамматическое оформление (для русского языка суффиксация) прямо или скорее «голо» присоединяется к трансформации, из чего каноничного слова не получается, при этом грамматическая часть слова несамостоятельна, а «тематическая» (она еще не корневая!) — внелингвистична, например:

Цс-ыкать (о свисте), *В-ыкать* (о картавом произношении), *ж* (или *ʃ*)-*кать* (о «гмыкающих» репликах) и т. п.

Здесь не получается лингвистическое единство лексемы, как, например, в таких «орфограммах»: ~~-образная трубка,]-видный крючок, которые «прочитать вслух» нельзя.

2-я ступень: самостоятельная (quasi-корневая) часть становится языковой через полную фонологизацию, хотя сама по себе она еще, может быть, и внеграмматична. В результате единства лексемы еще не возникает, и хочется разделить первое и второе дефисами: *динь-динь-кать*, *но-кать*, *хмы-кать* и т. п. Как правило, это слова профессионального жаргона (охотников, птицеловов, ремесленников, музыкантов и т. п.), но еще не слова общего языка.

3-я ступень: обе части глагола срастаются прочно в одну лексему-словоформу. «Самостоятельная», первая часть становится корнем и грамматикализуется через это прочное объединение в лексеме. Таковы «глаголы звука» как слова общего языка: *охать* (о девице), *чавкать* (о свинье), *ухать* (о филине), *шикать* (о лебедях), *квакать* (о лягушке), *аукаться* (о многих) . . .

4-я ступень: глагол получает переносное значение; он перестает быть «глаголом звука», при этом может изменяться и его грамматическое значение, например, он может получать свойство транзитивности или иную способность управления: *ахать* (кого?), *ухать* (не о том, кто кричит *ух*, а кто куда-то проваливается), *шикать* (не о лебедях, а о зрителях в театре, которые «это» могут выдавать и топотавьем). Главное здесь то, что глагол не изображает звуки, а репрезентирует какое-то понятие, уже со звуком и не связанное, или уж коли со звуком, то не тем, что в звукоподражании принято (*шикать* — о зрителях — это могло совершаться и без звуков типа [ш], а иным и даже не звуковым образом).

Так завершается «прием в язык» глагола звукоподражания.

Конечно, данным изложением затронутая тема не исчерпывается, еще есть много интересных вопросов: allegro-вая речь и ее рефлекс в каноне, иноязычные вкрапления в нормальную фонетику, а также и использование в экспрессивных целях инодиалектных фактов, например *з* фрикативного ([ʒ]) в речи, где нормально *з* = [g] . . .²⁶ Но условия места и времени не позволяют мне сейчас это сделать.

²⁶ См. об этом: А. А. Реформатский. [рус']. «Вопросы культуры речи», вып. 7. М., 1966.